

№ 7 (295). ИЮЛЬ 2015

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Н.А. ШАБУНИН. ПОРТРЕТ А.В. СУВОРОВА.
ХОЛСТ, МАСЛО. 1900 ГОД

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Основан
Н.М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал

Главный редактор А.Ф. Грушина

Редколлегия:
Митрополит Истринский
Арсений (Епифанов),
А.А. Белай, В.Ф. Козлов,
В.В. Максименко,
А.С. Матросов

Художник-верстальщик:
С.В. Певцова

Редактор-корректор:
Г.Н. Жолобова

Распространение: (495) 912-23-04

Издатель: ГУП «Редакция журнала
«Московский журнал. История
государства Российского». 2015

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 109004, Москва,
Николаямская ул., д. 45/8, стр. 1
Телефон: (495) 911-76-13, 912-94-03
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru

Журнал зарегистрирован
Государственным Комитетом РФ по печати.
Свидетельство № 012120 от 14.04.1999.

Подписано к печати 10.06.2015.
Печать офсетная.
Объем 12 п. л. Формат 64 х 90/8.

Тираж 5000 экз.
Цена договорная.

Заказ №

Отпечатано:
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая Типография»:
142300, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Материалы основных рубрик
рецензируются.

В НОМЕРЕ:

ТРУДЫ И ДНИ 2 *Николай Владимирович Вехов*
**«Искренний, скромный,
настойчивый деятель»**
*О ныне забытом художнике,
путешественнике, исследователе
Русского Севера Н.А. Шабунине (1866–1907)*

МИЛОСЕРДИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ 24 *Полина Георгиевна Кузьмина*
Убежище во Всехсвятском
*О Сергиево-Елизаветинском
инвалидном доме для увечных воинов
Русско-японской войны 1904–1905 годов*

РУССКИЕ СУДЬБЫ 31 *Евгений Павлович Романов*
«...жил человек»
*О талантливом самоучке из народа —
актере, художнике, фотографe, педагоге
Е.И. Осипенко (1888–1963)*

СЕМЕЙНЫЕ ЛЕТОПИСИ 46 *Евгения Ростиславовна
Шапошникова*
Три сестры
Рассказ внучки о своих бабушках

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА 60 *Михаил Юрьевич Коробко*
Бирюлево
Об этой исчезнувшей подмосковной усадьбе

РАССЕЯНИЕ 66 *Дмитрий Юрьевич Радченко*
Русская киноэмиграция
*О деятельности
наших соотечественников — выходцев
из Российской империи и СССР —
на ниве зарубежного
кинематографа (XX век)*

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ 76 *Михаил Михайлович Горинов*
Храм в Васильевском
*История и день сегодняшний храма
святителя Василия Великого
в селе Васильевском Старицкого района
Тверской области*

ЛЕТОПИСЕЦ 80 *Александра Геннадьевна Смирнова*
15–19 мая 2015 года
(Москва–Воронеж)
**Девятые Всероссийские
краеведческие чтения**

АЛЬБОМ 91 *Зинаида Викторовна Васильева*
Усадьбы
Белкино, Бутры, Турлики
и их владельцы
в творчестве В.А. Серова
По страницам биографии художника

Николай Владимирович Вехов

«Искренний, скромный, настойчивый деятель»

О ныне забытом художнике, путешественнике,
исследователе Русского Севера
Николае Авенировиче Шабунине (1866–1907)

Н.А. Шабунин.

Единственная известная фотография начала 1900-х годов

Хотя на рубеже XIX—XX веков Русский Север продолжал оставаться заброшенной окраиной Российской империи, цивилизация все же проникала сюда (в том числе из Норвегии, с которой у местных жителей за много веков сложились тесные торговые отношения), особенно в Архангельск, а также в крупные населенные пункты — Кемь, Онегу, Сороку, Сумской (Сумский) и Шуерецкий Посады... Патриархальная старина этого заповедного края постепенно исчезала. Едва ли не последним ее свидетелем и летописцем стал Н.А. Шабунин.

Он родился в деревне Юrome Мезенского уезда Архангельской губернии в семье деревенского священника, прослужившего к тому времени в здешних церквях почти 50 лет. Сведений о жизни и личности Шабунина до нас дошло немного. Обучался в Архангельском духовном училище, параллельно занимался иконописанием. В 1880-х годах впервые посетил Санкт-Петербург, пробираясь туда «на оленях и собаках по своему краю, а далее уже на лошадях»¹. В 1886 году поступил вольнослушателем в Школу Общества поощрения художеств, а затем — в Санкт-Петербургскую Академию художеств, в класс И.Е. Репина. Талант и усердие мезенца не остались без внимания. За картину «В ожидании» он получил звание классного художника первой степени (1894). Публично выступал, насколько мы знаем, лишь однажды — с докладом «Северный край и его жизнь» на XI очередном общем собрании Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов 17 января 1906 года. Доклад посвящался результатам поездки Шабунина на север Архангельской губернии (1903—1904)². «По поводу доклада <...> было выражено понимание, дабы в следующие свои экскурсии на север России художник обратил внимание на архитектурные детали построек. Ныне г-н Шабунин, отправляясь в новую поездку, обратился в о-во архитекторов с заявлением, в котором он выражает полную готовность выполнить возложенное на него поручение. Подобную же поездку предполагает сделать и г-н Плотников. Намеченная Николаем Авенировичем Шабуниным экскурсия обнимает Мезенский край и другие районы, лежащие к [северу от] Архангельска, и продолжится около 5 месяцев; при этом значительную часть пути (около 2250 верст) придется совершить на оленях и лошадях. Кроме доброго желания, необходимы некото-

рые, хотя бы и скромные, средства на расходы по поездке и на приобретение предметов домашнего и церковного обихода. Поэтому г-н Шабунин просит о-во о материальном восполнении на эти надобности. Признавая просьбу г-на Шабунина заслуживающей внимания и рассчитывая, что подобные поручения могут оживить деятельность о-ва, правление полагает выдать г-дам Шабунину и Плотникову по 150 рублей, образовав небольшую комиссию для составления более определенной программы деталей, на которые следует художнику обратить преимущественное внимание»³.

А вот как характеризовал Н.А. Шабунина, видимо, близко знавший его академик архитектуры Н.П. Кондаков: «*Николай Авенирович Шабунин был тихий, непритязательный, в глубоком смысле «симпатичный», чисто-русский человек. Он был серьезный труженик, прекрасный живописец, наделенный струей художественного творчества, родником высоких мотивов. Русское искусство потеряло в нем едва начавшего слагаться творца, а русская жизнь — искреннего, скромного, но настойчивого деятеля, который в избранной им среде мог получить большое значение»⁴.*

Умер наш герой, как говорится в разбросанных по литературе и Интернету кратких справках о нем, простудившись во время своей последней (1906) поездки. Некоторые, однако, склонны были видеть в этой скоропостижной кончине мистический подтекст. Начать с того, говорят они, что Николай Авенирович, опытейший путешественник, надежно усвоивший от поморов и самоедов (ненцев) навыки выживания в экстремальных условиях, не мог так вот банально «простудиться». А дело якобы в следующем: «*В начале XX века святилище Козьмин перелесок⁵ было подвергнуто новому разорению⁶. На сей раз это совершил сын мезенского священника художник Николай Авенирович Шабунин, приезжавший в город Мезень на побывку из Санкт-Петербурга. Он собрал всех божков, некоторые более сохранившиеся предметы и вещи (жертвоприношения. — Н. В.), даже те, которые росли в дерево и которые, во избежание порчи, пришлось отделить вместе с кусками дерева, и все собранное, около 3-х возов, отправил в Петербург на имя одного из известных археологов. Спустя год после разорения роши Шабунин умер, и ненцы связали его смерть с мстостью своих богов за учиненное им поругание их святилищ»⁷.*

Суворов беседует с крестьянами о своей службе. Холст, масло. Конец 1890-х годов

Но продолжим. Творчество раннего Шабунина в значительной степени посвящено А.В. Суворову. В конце XIX столетия в Петербурге на народные пожертвования и при поддержке государства к 100-летию со дня смерти полководца создавался мемориальный музей. Шабунин принял активное участие в этой патриотической акции — неоднократно посещал суворовские места в Новгородской губернии, писал этюды. Результатом явилась серия картин из цикла «Жизнь А.В. Суворова в Кончанском»: «Вид усадьбы Суворова в селе Кончанском», «Суворов беседует с крестьянами в селе Кончанском», «Суворов рассказывает крестьянам о своих былых походах», а также «Отъезд Суворова из села Кончанского в 1799 году», «Отъезд А.В. Суворова в Итало-Швейцарский поход», по которой позже скульптор М.И. Зощенко создал мозаичное панно, украсившее фасад музея. На открытии музея Шабунин был представлен императору Николаю II, наградившему художника орденом Святого Станислава 3-й степени. Кисти Н.А. Шабунина принадлежит один из известных портретов полководца (1900) и ростовой портрет Николая II (1903), выполненный по просьбе самого императора.

Но главным творческим увлечением Н.А. Шабунина был Русский Север, Архангельская губерния. После окончания Академии художеств он начал ежегодные путешествия в Мезенский уезд, в свои родные места. Цель — «поделиться <...> наблюдениями и впечатлениями, полученными во время этих поездок, <...> главным образом в отношении перемен, происшедших за последние 20 лет»⁸. Николай Авенирович од-

ним из первых, если не первым, заметил, что на севере идет процесс разрушения веками просуществовавшей своеобразной культуры здешнего русского населения, о чем он поведал в Обществе архитекторов: «С глубоким сожалением докладчик указал на сознательное пренебрежение со стороны жителей чисто местной, непосредственной стариной, что бросается в глаза в одежде, характере песен и обычаях. Но <...> среди обитателей маленьких деревушек, <...> [расположенных] по берегам небольших рек, в лесах, еще можно наблюдать настоящих детей природы, живущих в своих деревнях безысходно и безвыездно и не подозревающих про существование людей иного склада»⁹. Именно об этих заповедных местах Архангельской губернии Шабунин писал в своей книге: «Много тут еще непечатых глухих углов с симптомами первобытного духа русской жизни, памятники которого, как, например, постройки, разные предметы церковного обихода, во множестве еще можно найти по глухим углам, часто забытые и заброшенные. В некоторые из этих глухих мест можно пробраться только летом водою, а в некоторые — только зимою на оленях. Там немало сокрыто различных документов далекого исторического прошлого. Там, на краю света, остановилось, ибо дальше некуда было идти, историческое прошлое древней Москвы и Великого Новгорода»¹⁰.

Процитируем еще раз академика Н.П. Кондакова: «Шабунин беззаветно любил свой угрюмый край, ежегодно туда возвращался и, приезжая в Петербург, привозил целую выставку <...> больших рисунков с любопытными эскизами деревянных церквей, погребенных под снегом кладбищ, необыкновенно

декоративных этюдов и набросков своеобразной жизни, обычаев и обрядов северных инородцев»¹¹. Добавим сюда обширные этнографические коллекции, записи обрядов и песен, множество фотографий. Увы, многое из перечисленного сегодня утрачено...

Для путешествий по Мезенскому уезду, уже фактически являвшемуся приполярной областью Русского Севера, нередко по безлюдным просторам, зимой, в полярную ночь, требовались немалое мужество и основательная подготовка. Вот что Николай Авенирович писал по сему поводу: «Сильный мороз, заставший путника в не соответствующем костюме, губит его насмерть. Одежда в эти морозы состоит вся из двойных оленьих шкур, то есть шерстью внутрь и наружу. Одевается сначала “малица” шерстью к телу, а поверх “совик” с головою, шерсть кнаружи, также и обувь двойная — “липты”, а наверх “пимы”; еще в виде галош невысокие мохнатые “торобы”¹². <...> Мне, бывало, не раз так приходилось одеваться. <...> С превеликим удовольствием я одевался в самоедские одеяния и в последнюю бытность на севере, выходя на этюд. В пимах легко, как в чулках, и тепло, а на пальто одетый совик с головою мало стесняет писать, но зато уж безусловно тепло и не дует (и решительно все равно, какая погода), расхаживаешь себе по холмистым местам»¹³. Характерная деталь: «Лошадь часто останавливается, задыхаясь от сильного обледенения ее ноздрей: тогда лед этот тотчас снимается. Птицы с полета падают мертвыми»¹⁴. Не менее характерная картина: «В юго-западном направлении от нас к городу Архангельску приходится проезжать на лошадях около шестисот верст. Дорога эта не столь худа, как скучна и утомительна. Здесь под конец невольно хочется упомянуть о некоторой особенности зимнего пути. Покидая край, уже сразу начинаешь видеть, убеждаться и более суток испытывать отдаленность и отрезанность нашего края от всей остальной части беспредельной России, то есть сразу же от левого берега реки Мезени въезжаешь в густой дремучий лес, и какой же это тоскливый путь, как вековая преграда, которая тянется — по длине что китайская стена — на всем протяжении Мезенско-Печерского края, имея <...> от ста и до трехсот верст ширины, а в том месте, где пролегает дорога, шириною более ста верст. Не имеет она на своем пути даже ни единого поселка,

кроме как через несколько верст маленькие домики почтово-земской станции и ветхие, тоже маленькие избушки, чуть ли не по крыши ушедшие в землю, — то помещение для дневки этапа»¹⁵.

Реальную карту маршрутов Шабунина сейчас с достоверностью представить себе невозможно. В его книге нет практически ни одной точной географической привязки, все в таком роде: «Мне пришлось совершить поездку <...> в область неприглядной холодной окраины нашего отечества»¹⁶; «В трое с половиною суток я проехал до города Архангельска уже по железной дороге, а далее по беспокойному Белому морю на мурманских пароходах»¹⁷. Однако общий размах путешествий вполне ощутим: «По северной части Мезенского уезда проходит полярный круг. Эту границу полярной страны мне пришлось проезжать в темную осеннюю ночь, во время которой крайне живописно играло северное сияние, освещая пароход своими лучами фосфорического света. Картина великолепная»¹⁸; «Ввиду исключительных климатических условий этого края он (Н.А. Шабунин. — Н. В.) уезжает еще весной, пользуясь санным путем, на лошадях и оленях, чтобы побывать в тех местах, куда можно проехать только зимой, как, например, в Канинскую и Малоземельскую тундры»¹⁹. Кое-что помогают прояснить сделанные Шабуниным фотографии и зарисовки. Судя по ним, Николаю Авенировичу удалось побывать на побережье Белого моря, где велись морской, рыбный, зверобойный промыслы, в глубине Мезенского уезда, где преобладали лесной промысел (выжигание древесного угля, плетение туесов из бересты и тому подобное) и сельское хозяйство, на оленеводческих стоянках в Канинской и Малоземельской тундрах. Главным итогом этих поездок стала публикация книги и пяти фотоальбомов²⁰. Последние никак тематически не озаглавлены, но каждому, исходя из содержания, можно присвоить условное название: «Лица и типы жителей Мезенского уезда» (том 1), «Занятия жителей Мезенского уезда» (том 2), «Храмы и часовни Мезенского уезда» (том 3), «Деревня Юрома» (том 4), «Промысловая деятельность жителей Мезенского уезда» (том 5; под такими рубриками фотографии из этих альбомов воспроизводятся и в тексте статьи. — *Ред.*). Здесь собраны уникальные изобразительные свидетельства старинного жизненного уклада мезенцев, до этого нашедшего отражение лишь в немногих словесных описаниях

да на десятке-двух гравюр и рисунков других авторов. К сожалению, вошедшие в альбомы фотографии также не подписаны (чем, видимо, объясняется их не востребованность изданиями того времени) — не указаны, в частности, имена персонажей, места и даты съемок, названия церквей и часовен. Тем не менее данное обстоятельство вполне компенсируется общим впечатлением: ты словно реально присутствуешь в тех местах и в том времени, не особенно-то и нуждаясь в пояснениях.

Многое из подмеченного Н.А. Шабуниным в части занятий, религиозной жизни, культурных традиций и обрядов населения Мезенского уезда дополняют сведения, опубликованные ранее побывавшими здесь писателями С.В. Максимовым и К.К. Случевским²¹. Но сообщения Николая Авенировича отличаются тем, что представляют собой свидетельства местного жителя, знающего все «изнутри», а не заезжего путешественника, вынужденного довольствоваться информацией из вторых рук. Вот, например, как он описывал «Мезень-город»:

«Очень и очень невелик наш бедный городок, так невелик, что не потребуется и двадцати минут, чтобы пройти по единственной его продольной улице, которая начинается маленьким низеньким домиком, стоящим на тундре, и кончается <...> почти обыкновенным деревянным домом тюрьмы, и также на тундре; а чтоб пройти поперечную улицу, то достаточно и пяти минут. Причем, проходя вдоль и поперек города, можно иногда не встретить буквально ни души, хоть и посреди бела дня. Задворками своими город весь стоит на краю бесконечной пустынной удручающей тундры, да и не только задворками, но есть домики, фасад которых приговорен созерцать ужасы унылой пустынности; и, словно для горькой иронии, этот бедный фасад украшен интересным резным (симпатичным) балкончиком. Город Мезень не имеет ни единого каменного жилого строения, кроме низменного маленького зданьца — Государственного Казначейства. Имеются две церкви, и те обе деревянные, причем одна из них XVII века. От жизни в Мезени-городе, полной душу щемящей тишины, безмятежья и простоты, не бывавшему здесь человеку покажется жутко, а за добродушных, чрезвычайно радушных обывателей его становится как-то обидно и крайне тоскливо. Интеллигенция, закинутая сюда «по воле судьбы», по временам облегчает чувство угнетенности положения иллюзиями будущего, призра-

ками счастья. Некоторых же из них не беспокоят и эти чувства и мечты, настолько люди уже смирились со своей участью. Разве только шевельнет сознание их бытия страшный визг и рев разбушевавшегося снежного урагана. Вот уж где именно воистину “вихри снежные крутя, то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя”.

Невелик сам по себе наш городок, но страшно велико <...> его земельное владение. Наибольшая часть его владения — тундра и леса. Обилие строевого леса вызвало устройство нескольких лесопильных заводов <...> (один на берегу Мезенской губы К. Русанова, один при устье р. Мезени братьев Ружниковых, и еще завод или два на реке Печоре), имеющих крупные сношения с англичанами, американцами, шведами и норвежцами. Затем своеобразно-красивые реки с красными (цвет почвы. — Н. В.) берегами, луга и поля, засеваемые исключительно ячменем, очень редко рожью, так как она зачастую не успевает дойти. (Да и ячмень не на редкость побивается ранними морозами-«утренниками» 10–15 градусов в августе месяце.) Мешают зачастую морозы дойти и картофелю, капусте и редьке — иных овощей у нас и не знают»²².

Способ ведения жителями Мезенского края зверобойного промысла Н.А. Шабунин нашел весьма архаичным: «Промышленники наши на зверей и птиц все еще предпочитают довольствоваться примитивными кремневыми самодельными ружьями. Были случаи, когда <...> от предложенных им усовершенствованных ружей [они] отказывались <...> по их сложности и дорогой цене, а главное, потому, что патроны и другие хитрые принадлежности усовершенствованного ружья надо выписывать из Петербурга или Москвы. Для успеха в своей охоте северянин считает вполне достаточным иметь лишь порох и кусок свинца, из которого он на досуге искусно изготавливает свои меткие верные пули. На своих охотах эти промышленники игнорируют даже и обыкновенные фабричные спички как боящиеся сырости; они почти с такою же скоростью доставляют огонь благодаря кремню, труту и огниву. С таким первобытным оружием промышленники наши отважно выходят на добычу птиц, лесного зверя и в море на злого моржа, тюленя и белого медведя, и прекрасно справляются. В известный период зимнего времени к берегу Белого моря скапливаются тысячи промышленников для добычи морских зверей. Промыслы их производятся все время

на плавающих огромных льдинах, которые суточными течениями относит от материка в море и обратно. Промышленники моря настолько привыкли к плаванию на блуждающих льдинах, что, несмотря на то, что целыми сутками не видят земли, не придают этому значения и преспокойно гоняются за заморским зверем, ловят и ловко и весьма просто бьют его. Причем каждая группа промышленников имеет лодку на случай разрыва льдины. Были случаи, когда льдины с промышленниками выносило течением из пределов моря в океан — и бесповоротно. Эти несчастные случаи обыкновенно бывают при сильных неблагоприятных продолжительных ветрах. По берегу моря в нескольких местах тянутся длинными рядами избушки промышленников самого примитивного устройства (бревенчатых)»²³.

Большую часть Мезенского края занимала область, известная как Помезенье и лежащая по обе стороны реки. «Река Мезень, красиво изгибаясь, имеет на всем своем протяжении приблизительно верст шестьсот, имея по берегам то более или менее высокие красные утесы, то луговые острова, перелески и рощи; от места до места на значительном, однако, друг от друга расстоянии встречаются деревни, <...> иногда с красиво выступающими их древними деревянными храмами. За деревнями вспаханная холмистая земля, а за нею густые хвойные дремучие леса, как бы уходящие с холма на холм, словно в бесконечную синюю даль, хотя, в сущности, не так широка полоса этого девственного леса, за которою начинается уже тундра, а далее вечно плещущие волны Северного Ледовитого океана, до которого от реки Мезени по прямому направлению и всего-то будет верст полтора»²⁴. Именно эта земля и была родиной Николая Авенировича, неприятно поразившей его происшедшими здесь «за двадцать лет» метаморфозами.

«Одежда начала видоизменяться главным образом у мужчин, и притом праздничная. Как шел прежде к застенчивому, простодушному на вид молодцу плисовый или суконный длинный сборчатый кафтан, по которому красиво молодые мужички подпоясывались длинными шелковыми кушаками, широкие шаровары в голенищах франтовых сапог, свободная рубашка, по подолу и косому вороту которой с любовью и мечтательно вышиты узоры красной девицей; и теперь это все пропало, и кавалеры деревни своими костюмами и нравами в большинстве случаев производят

впечатление заурядных фабрично-заводских парней со всеми их замашками и наклонностями. Грустно, конечно, видеть такого парня, нарядившегося «по-новомодному» в лубочного и яркого цвета рубаху, купленную готовую на городском базаре, подол которой выпущен из-под черного жилета, оснащенного цепью от карманных часов, в черные навывпуск брюки и сапоги с галошами; на голове шапка-котелок, а в руках непременно зонтик или гармония. Мне даже раз пришлось видеть на голове у мужика средних лет что-то вроде цилиндра. Такой костюм с пиджаком у них почему-то принято называть «немецким». Он имеет немало подражателей, мечтающих завести подобное одеяние, <...> дабы и про него ныне говорили, что, мол, «Кирилко-то Иванушков тоже по-немецкому ныне стал наряжаться». Пожилые и старики еще благоразумно воздерживаются от этой «немецкой одежды». Одежда же женщин существенно не изменилась, до сих пор они благоговейно одеваются в свои парадные древнемосковские, новгородские костюмы из старинной парчи, штофа и шелку, украшенные широкими золотыми до полу позументами с ажурными древними серебряными пуговицами. На голове высокая парчовая так называемая «повязка», унизанная бисером, часто жемчугом. А в длинные косы свои девицы вплетают широкие длинные парчовые ленты — косники»²⁵.

С особым сожалением констатировал Н.А. Шабунин и исчезновение некоторых традиций песенного творчества: «Что же касается характерности песен наших северян, то они уже почти совершенно утратили свою поэтическую прелесть, и мне как туземцу особенно резко это бросилось в глаза. Когда мне впервые в Петербурге приходилось слушать оперы на темы из русской истории, я узнавал местами явно родные мелодии или их вариации, чувствовалась тут какая-то тесная связь между характером народных песен, преисполненных беззаветной грусти, и приятной задушевной мелодией. Ныне же поются песни исключительно заносные, преимущественно фабрично-заводские, и притом под неизбежную ныне гармонику, которая еще во время моего детства на севере считалась как нечто непристойное, нестепенное. Новое поколение молодежи совсем уже не знает ни слов, ни мелодий былых песен. Это новшество заметно отражается на их нравах»²⁶. Однако «в наиболее отдаленных углах» старинный уклад еще сохраняется. Тамошние обитатели — «сущие дети

природы. Живут они в своих небольших деревнях почти совершенно безвылазно и безвыездно, словно медведи в берлогах. Даже менее требовательны, так как медведь имеет обыкновение ежегодно выступать из своей берлоги на свет Божий — освежиться, разнообразить свою жизнь, а у людей, соседей его, и этой потребности нет. Побывать хотя в ближайшей деревне за 60, за 80 верст — это крайняя редкость. Да как же им и выбраться, когда зимою и признаки дороги глубоко сокрыты под снегом, и он рад, что ему удалось съездить кое-как в лес за дровами да в луг за сеном. Летом тоже не лучше: спуститься на лодочке по течению за 60, за 80 верст легко бы и хорошо, но перспектива обратного путешествия отбивает всякую охоту отправиться в путь. Речка узкая, быстрая и извилистая до крайности; притом берега ее очень часто заросли кустарником, вокруг которого происходят целые водовороты, а весенние воды настолько подмывают берега, что производят целые обвалы деревьев-гигантов, которые при падении вершиною своею покоятся на противоположном берегу, представляя собой целую плотину. По такой речке мне пришлось проехать от самого ее истока, начинающегося какими-то глубокими узкими лужами между двумя оврагами, и та часть, то есть буквально самая вершина реки, настолько узка, что когда наш волоковой путь кончился и узкую лодку, в которой рядом вдвоем не усядутся, отпустили в реку, то бортами своими эта лодочка касалась обоих берегов. Верст пять речка почти незаметно расширялась, а там уже пошла значительно пошире. При впадении ее в Белое море она в ширине показала себя около семи верст. Речку эту, верст двести в длину, мне пришлось всю проехать в самый светлый период времени белых ночей. Своим появлением в такую глушь словно спугнешь ее обитателей: они заходят по угору деревни, образуется вскоре целая компания у крыльца дома, в котором остановился. Мало-помалу компания эта робко забирается в избу, где постепенно они осваиваются, но необыкновенная сдержанность и тишина спокойного говора их не покидает. Сосредоточенно задавали вопросы мне о том, что творится в белом свете. Разглядывали мои дорожные вещи, а одежду на мне, даже обувь, трогали, щупали руками, и неподдельному изумлению — нет конца. Особенно их занимало, когда я в избе писал этюд типичного мужика и показал им еще некоторые этюды видов; и очень жалел, что больше не-

чего показать относительно художества, так как они очень заинтересовались, а я невольно проникся их настроением и пытался им кое-что растолковать, хотя не без труда; но они, видимо, понимали и вывели заключение, что “это дело доброе — картина-то, она, брат, тебе все явно обозначит, и толковать не надо”»²⁷.

Н.А. Шабунин одним из первых (в который уже раз приходится повторять здесь это словосочетание) запечатлел на фотографиях и рисунках старинную деревянную архитектуру Русского Севера, ныне во многом утраченную, — гражданские здания, жилые дома, хозяйственные постройки... Вот его комментарий:

«Жилища и дома устраиваются в нашем крае довольно своеобразно. Как зажиточный, так и бедняк, в сущности, устраиваются одинаково, т. е. часть постройки для жилья и скота под одной крышей, разница только в размере постройки, в количестве помещений, в их благоустройстве, украшениях внутри и снаружи. Это дом, длина которого в 15–18 сажений, ширина не более 6 сажений, обыкновенно же 5 сажений. Общая высота и наибольшая, т. е. до конька карниза, приблизительно сажени 4; до карниза высота от 2 до 3 сажений. Материал постройки — толстые сосновые бревна. Большей частью, несмотря на значительную высоту фасада, дома имеют один этаж, начинаются от земли на второй, даже на третьей сажени. Притом жилая часть дома строится из двух отдельных высоких срубов вплотную один к одному, и, таким образом, фасадная часть жилья [состоит] из двух помещений — избы и горницы, разделенных двумя капитальными стенами, в которых устраивается дверь. <...>

За последнее время стали строить в одну капитальную стену, разделяющую [дом] на два помещения. Вся длина дома делится на три части: для жилья от 2 до 3 сажений, сени не шире полутора сажений, а затем остальная часть делится на верхнюю и нижнюю: 1-я, где хранение хозяйственных принадлежностей, запасы сена, экипажи и места для лошадей, — эта часть называется «поветь», для въезда на которую устраивается бревенчатый подъем, называемый «взвоз», но есть в нее и внутренний вход из избы. 2-я часть — скотный двор, где устраиваются ясли и хлевы для коров и отдельно для овец. Ход в жилое помещение устраивается по наружному крытому крыльцу, занимающему по продольной линии дома всю жилую часть,

и с верхней площадки его ворота сперва ведут в сени, холодные, конечно, а затем уже в избу. Крыльцо это у них всегда должно служить главным украшением дома, а потому ему уделяется немало внимания. Над нижней и верхней площадкой крыльца на резных столбах двухскатная крыша соразмерно площадок, соединяемая односкатною тесовою крышею в длину крыльца. Перила крыльца очень часто резные и раскрашены, а также и выступы крыши его. На нижней площадке бросается в глаза высмоленная дверь в стене дома; это вход в подвал и погреб. Украшение дома идет дальше. Чердачная часть фасада в большинстве случаев обшивочная, имеющая вследствие двухскатной крыши форму треугольника, с окном посередине, а иногда встречается и полукруглый балкон. Эта часть тоже играет большую роль в украшении жилища северянина, она вся или раскрашивается, или расписывается масляными красками. Своеобразный орнамент иногда встречается тут в изображении воображаемых заморских зверей и птиц. Окно этой части и двухстворчатые ставни его в виде иконы-складня покрыты живописью и резьбой, а наличники вокруг рамы напоминают издали вышитое полотенце, повешенное на зеркало. Такое украшение окон не только на чердачной части фасада, но и на всех окнах дома. Выступающая часть крыши на фасад, аршина на два с внутренней стороны ее, т. е. к фасаду, также обшивается и с любовью расписывается орнаментом в прекрасном распределении цветов: белого, красного, синего, зеленого, желтого и черного. Украшения такого рода заканчиваются прикрепленными на крыше громадными рогами оленя. Часто домохозяин отдаленного севера не удовлетворяется украшением своего жилища лишь с внешней стороны его, но и внутри жилью все разукрашено да расписано, начиная с «божницы». Расписывается доска стола, перегородка в избе, двери, вся деревянная часть русской печи в избе, покрываются резьбой и раскрашиваются красна, прялки, швейки²⁸, веретена, катальный бельевой прибор и даже кадка для воды, грабли, летние и зимние экипажи, дуги и прочее²⁹.

Но опять же: «К сожалению, эти мечты и желанья выразить потребности своей души стали теперь заметно тупеть и охлаждаться, и проявления эти можно видеть лишь в отживающем ныне поколении. Теперь горница мужика стала оклеиваться обоями и даже иногда штукатуриться. На украшения дома снаружи и внутри, на резьбу и рос-

пись предметов домашнего обихода он стал смотреть как на «порчу». Домик он мечтает устроить по образцу домика мещанина в уездном городке. Домик невысокий, с двухстворчатыми рамами, в три стекла; раму красит белилами или охрою, крыльца нет, вход в дом по лестнице внутри, а при входе устраивает зонт, словом — «по-городскому». Все это, в сущности, очень печально, а главное, тут навсегда подавлена самостоятельность своеобразного творчества, проявляющего художества у мужика, явно пропала его задушевная простота и вся прелесть наивности его мечтаний. Горькое и обидное чувство испытываешь при взгляде на эту утлую культуру в жизни мужика. Ведь не значит ли это, что он переменялся в душе, в нраве и характере, стал хитрее, жестче, и явная трещина показалась на его нравственности?»³⁰

Перу Н.А. Шабунина принадлежит и описание наиболее примитивных типов жилищ на Севере — «черных изб»:

«Полный контраст благоустроенному дому представляет собою у нас еще до сих пор существующая так называемая «черная изба», весьма редко ныне встречающаяся, но было то время, когда о лучших постройках не имелось представления. Это — изба, в которой больше половины [занимает] русская плоская печь, сбитая из глины. Печь эта не имеет дымохода, а вместо его вырубается высоко над заднюю частью печи отверстие в стене избы со ставнем. На время топки для выпуска дима ставень отнимается и открывается дверь из избы в холодные сени, которые зимой никогда не оставляет без холодного внимания снежная метель. С этим свыклись и не обращают внимания настолько, что при открытых дверях на полу, на оленьих шкурах, под ветхими и рваными одеялами из овечьих шкур («одевальница») продолжают спать дети. И уже, вероятно, вследствие закаленности дети очень редко страдают горловыми или грудными болезнями. <...> Внутренние стены такой избы, верхняя часть и потолок из необтесанных бревен черны как смоль. Под потолком протянуты тоже словно обуглившиеся жерди, на которых осенью просушиваются снопы ячменя, и, таким образом, изба эта служит в осеннее время еще и «овином». Окна в ней продольные и настолько малы и низки к сиденью, т. е. к «лавке», что, чтобы посмотреть на улицу, нужно стать на пол на колени или лечь на лавку. В избе есть узкая перегородка, за которою помещенье для хранения пищи и некоторой одежды.